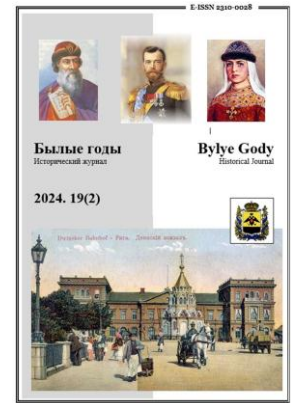

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 504-513
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.504

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Natural Conditions and Life Support of the Tungus of the Baikal Regions (XVII – late XIX centuries)

Milana V. Ragulina ^{a, *}

^aV.B. Sochava Institute of Geography Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russian Federation

Abstract

This article examines the influence of natural and climatic conditions on the life activity of the Tungus in the 17th-19th centuries. The unstable nature of biological resources, due to the specific climate, affected both the indigenous ethnic groups of the taiga and Russian settlers. The article compares information about famine, crop failures in the region and the ice regime of the Angara River. A coincidence was revealed between intra-century decreases in air temperature and most economic crises. The results indicate repeated periods of lower average annual temperatures, which were accompanied by extreme natural events. The interaction of the Tungus with peasants, merchants and authorities took place against this changing natural and climatic background. Climatic fluctuations directly and indirectly led to the formation of various ways of adaptation of the Tungus: from strengthening exchange ties and transition to hybrid semi-sedentary forms of economy, to migration to more productive areas remote from Russian villages. Natural factors, combined with social and economic prerequisites, have led to the emergence of a complex set of adaptation processes. Networks of mutual aid, trade, and cultural exchange were formed in response to climate and social risks, strengthening the position of the Tungus. Data from folklore, chronicles, statistics and archival documents confirm the influence of intra-century climate variability on the Tungus. Years of famine, crop failures, epidemics and associated changes in the economy affected all groups of the population. The consequences of this impact were culturally and environmentally specific. The diversity and dynamics of neighboring cultures and geographical conditions contributed to the uniqueness of the Tungus economy, the different rates of their acculturation and the formation of an interconnected ethnocultural landscape.

Keywords: Baikal region, Tungus, Siberian peasantry, livelihoods, natural conditions, climatic variability, crop failure, acculturation, agriculture, ethnocultural landscape.

1. Введение

Природно-климатические условия Прибайкалья в значительной мере определяли состояние хозяйства тунгусов (эвенков). Охота, оленеводство, рыболовство, сбор съедобных растений зависели от температурного и ветрового режимов, экстремальных природных явлений и катастроф, вызывающих колебания продуктивности биологических ресурсов. Вхождение Сибири в состав России и рост числа новопоселенцев способствовали формированию сети крестьянских поселений и распространению хлебопашества. В административном отношении тунгусов Прибайкалья объединяли ясачные волости, с 1822 г. – Киренско-Хандинская, Очеульская, Тутурская и Нижнеилимская инородные управы.

Ареалы расселения тунгусов и русских были относительно удалены друг от друга в таежной части, сближаясь в широких долинах крупных рек, земли вокруг которых были пригодны для земледелия и пастбищного скотоводства. Природно-климатический фон влиял на специфику

* Corresponding author

E-mail addresses: milanara@yandex.ru (M. V. Ragulina)

социально-экономического развития, стратегии адаптации присваивающего и производящего хозяйства, делая своевременное реагирование на вызовы природной среды залогом выживания и благополучия. В XVII – XVIII вв. системы жизнеобеспечения тунгусов, перешедших к пушной охоте, были относительно нестабильны, находились в поиске стратегий взаимодействия с властями и новыми соседями. Выстраивание более устойчивых сетей взаимной помощи, экономических и родственных связей произошло к XIX в. К этому времени сложился этнокультурный ландшафт, поддерживающий жизнеобеспечение и крестьянских, и тунгусских сообществ.

2. Материалы и методы

Цель работы состоит в выявлении воздействия природно-климатических условий на жизнеобеспечение тунгусов. Основу исследования составили документы Государственного архива Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация), региональные летописи и статистические материалы, опубликованные в периодических изданиях Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Используются данные о населении и хозяйстве тунгусов согласно уставу 1822 г. отнесенных к Киренско-Хандинской, Тутурской, Очеульской, Нижнеилимской инородным управам Киренского и Верхоленинского округов Иркутской губернии.

Методология работы привлекает элементы системного подхода, позволяя выявить взаимосвязи между природно-климатическими условиями, присваивающим и производящим хозяйством. Этноисторические и историко-географические идеи способствовали углублению понимания хозяйственной эволюции тунгусов. Анализ экстремальных и климатически неблагоприятных периодов показал их влияние на выработку стратегий адаптации. Статистические данные позволили подтвердить зависимость присваивающего и производящего хозяйства от природных условий, включая колебания климата.

3. Обсуждение

Работы о роли современных природно-климатических изменений в жизни коренных народов отмечают множество негативных последствий: в местах обитания эвенков и якутов сокращается численность промысловых животных, чаще возникают лесные пожары, гибнут домашние олени из-за высоких летних температур (Lavrillier, 2013; Crate, 2008). При этом ситуация расценивается как впервые возникшая и непредсказуемая по своим последствиям. Исторические источники и этнографические работы содержат свидетельства о серьезных климатических колебаниях за пределами памяти существующего поколения в XVII – XIX вв. (Пежемский, Кротов, 1911; Романов 1914; Шерстобоев, 1949; Шерстобоев, 1957; Туголуков, 1985).

В отечественной историографии сложилась авторитетная традиция исследований, интегрирующая историко-экологические, историко-географические и историко-экономические подходы (Шунков, 1956; Кожухов, 1967; Чуркин, 2014). В то же время отмечается сравнительно позднее формирование экологической проблематики, которая наиболее развита в сибирских научных школах, причем значение природной среды было одной из важнейших тем отечественного сибиреведения (Кротт, 2018: 20).

Среди комплексных этнографических исследований тунгусов следует отметить классические работы Г.М. Василевич, В.А. Туголукова, М.Г. Турова, где природно-климатические факторы рассматривались как часть тунгусской хозяйственной культуры и мировоззрения. Современные антропологические подходы раскрывают природу в контексте внутренних смыслов живой среды тунгусской культуры (Lavrillier, Gabyshev, 2021; Давыдов и др., 2016).

Дендрохронологические, водно-балансовые и палинологические исследования позволяют на протяжении столетий достоверно реконструировать тренды внутривековой климатической изменчивости (Ваганов, Шиятов, 1999). Напротив, исторические сведения не всегда полны, и в силу этого сложно сформировать непрерывный ряд качественного описания, коррелирующий с количественными климатическими показателями (Борисенков, Пасецкий, 1988). Несмотря на методологические трудности, создана база данных аномальных явлений в природе и социуме Сибири и Монголии, выявлено влияние климатических колебаний на европейские общества прошлого (Pfister, 2010) и колонизацию Западной Сибири (Жилина, 2009). Доказаны цикличность климатических изменений, комплексный характер их воздействия на социум Сибири, корреляция с хозяйственным благополучием населения, эпидемиями и эпизоотиями. Периоды повышения температур в Северной Евразии в XVII – XIX вв. сопровождалась эпидемическими вспышками (Мыглан, 2010). Влияние колебаний климата на приленских и приангарских тунгусов с позиции культурно-хозяйственных трансформаций изучено недостаточно, поэтому настоящая работа ориентирована на восполнение пробела.

4. Результаты

До прихода русских этнокультурный ландшафт тунгусов таежного Прибайкалья располагался в крупных и средних речных долинах, в сети мелких притоков.

В верховьях р. Лены, в пределах выровненного и занятого таежными ландшафтами Лено-Ангарского плато обитали эвенки Очеульской и Тутурской инородных управ. На Приленском плато, в Хандинской низине и Ульканском понижении располагался ареал тунгусов Киренгско-Хандинской инородной управы. Нижнеилимская инородная управа включала таежные местообитания Ангарского поднятия, Илимской равнины, нижнее течение р. Илим с плодородными и пригодными по местоположению землями для распашки. Для территории свойственен резко-континентальный климат с непостоянством длительности безморозного периода (68 – 122 дня) и продолжительными устойчивыми морозами (со снегом – от 160 до 190 дней) (Беркин и др., 1993: 90-92). Перепады высот рельефа, чередование водоразделов, долин – микроклимат напрямую влияли на хозяйственную специфику и условия жизни.

С момента появления русских в регионе жизнь тунгусов коренным образом изменилась. В XVII в. они были обязаны уплачивать ясак соболями. Быстрое падение численности соболя на рубеже XVII – XVIII вв. побудило русскую администрацию брать дань не только мехами, но и деньгами. Это разоряло хозяйство тунгусов: помимо пушнины, на выручку денег для уплаты дани шли продукты, которые употребляла семья (Шерстобоев, 1949: 549). Сформировавшийся дефицит покрывал новый для тунгусов продукт – хлеб.

С появлением русских в регионе и до конца XVII в. прослеживается поиск контактных стратегий: интересы власти – присоединение новых земель, обеспечение лояльности и платежеспособности населения, приобретение природных богатств и ресурсов побуждали к вовлечению тунгусов в новые социальные отношения.

В хозяйстве тунгусов происходит крупный сдвиг: центр тяжести смещается от непосредственной добычи пищи («мясная», потребительская охота и рыболовство) к пушному промыслу для обмена на продовольствие и уплату ясака. Властям следовало следить, чтобы тунгусы «не жили у крестьян в деревнях и не шатались бы», не продавали пушнину на сторону, и в то же время неудачно промышлявший охотник должен был купить пушнину для сдачи ясака сам, поскольку разрешено было «за соболя брать деньгами» (Шерстобоев, 1949: 548-549).

Поиски соболя, численность которого стремительно снижалась, требовали увеличения промысловых территорий и сдвига его от мест обитания копытных. Ясак начали взимать деньгами, полученными не только с продажи пушнины, но и с остальных продуктов промысла. Тунгусы все более ориентировались на пушнину, в питании выросло значение покупного продовольствия (Рагулина, Сирина, 2020: 2344). Основным объектом добычи стала белка, которая, в отличие соболя, более склонна к миграциям, поэтому возросла протяженность кочевых маршрутов. Изменения в жизни тунгусов были противоречивы: с одной стороны, рост мобильности, с другой – увеличение зависимости от муки и хлеба, покупного продовольствия, оружия и боеприпасов, заместивших лук и стрелы. Ситуацию осложнил отход тунгусов с части обжитых долинных территорий, которые они были вынуждены покинуть из-за конкуренции с крестьянами – земледельцами и таежными промысловиками.

На рубеже XVII –XVIII вв. в регионе сложились очаги крестьянского освоения по долинам крупных рек, на осветленных участках тайги и подтайги – в прежних кочевьях тунгусов. Хлебопашество в условиях резко-континентального климата зависело от погодных условий, из которых важнейшими были колебания температурного режима.

Продолжительные периоды низких температур в общесибирском масштабе отмечены в XVII в. Они приходились на 1630-е гг., 1642-1645 гг. и с 1677 гг. до начала XVIII в. (Мыглан, 2010: 31). Это время оказалось наиболее «холодным» и неблагоприятным для хлебопашцев. Помимо недостатка тепла, исследователи сибирского земледелия большинство неудач связывают с экстремальными колебаниями климата и с необходимостью приспособления навыков, перенесенных из Центральной и Северной России (Кожухов, 1967: 16).

Первые тунгусы-земледельцы появились в 1655 г. (Шерстобоев, 1949: 552), через столетие каждый десятый тунгус стал земледельцем (Шерстобоев, 1957: 635). Сибирское земледелие в период становления было неустойчиво и нуждалось в приспособлении навыков, выработанных в Европейской России, к местным условиям (Шунков, 1952: 235).

К середине XVIII в. тунгусы сформировали прочные культурные, торговые и обменные связи с русскими крестьянами. Все шире в жизнеобеспечение входили зерновые, которыми их снабжало государство. Поскольку в регионе сложилась тесная взаимосвязь между производством зерновых и благополучием эвенков, неблагоприятные для земледелия колебания климата воздействовали на их жизнеобеспечение опосредованно. В предании, события которого относятся к XVIII в., рассказывается, что однажды «...перестал расти на Ангаре хлеб. Забрасывались (буквально – умирали) с каждым годом пашни, эвенки голодали, у них осталось мало оленей. Затем появились купцы, привезли хлеб и стали лучше кормить эвенков. Эвенки перестали есть домашних оленей, олени размножились, в тайге стало много лосей» (Василевич, 1966: 297).

Гидроклиматическими исследованиями обоснована связь динамики климата и сроков вскрытия рек ото льда (Солдатова, 1993: 94). В нашей работе ледовый режим реки Ангары в Иркутске послужил источником информации о климатических колебаниях. До организации регулярных

метеонаблюдений в 1888 г. заметки об установлении ледяного покрова и вскрытии реки велись с 1721 г. и фиксировались в региональных летописях (Пежемский, Кротов, 1911; Романов, 1914). Источник питания р. Ангары, оз. Байкал, обладает относительно стабильным температурным режимом. Благодаря этому продолжительность периода открытой воды в р. Ангаре условно можно связать с общим тепловым фоном воздуха, его внутривековыми колебаниями в средне- и южнотаежном Прибайкалье.

Наибольшее количество упоминаний заморозков, неурожая, голода приходится на годы, в которые продолжительность периода открытой воды составляет менее 270 дней (Рисунок 1).

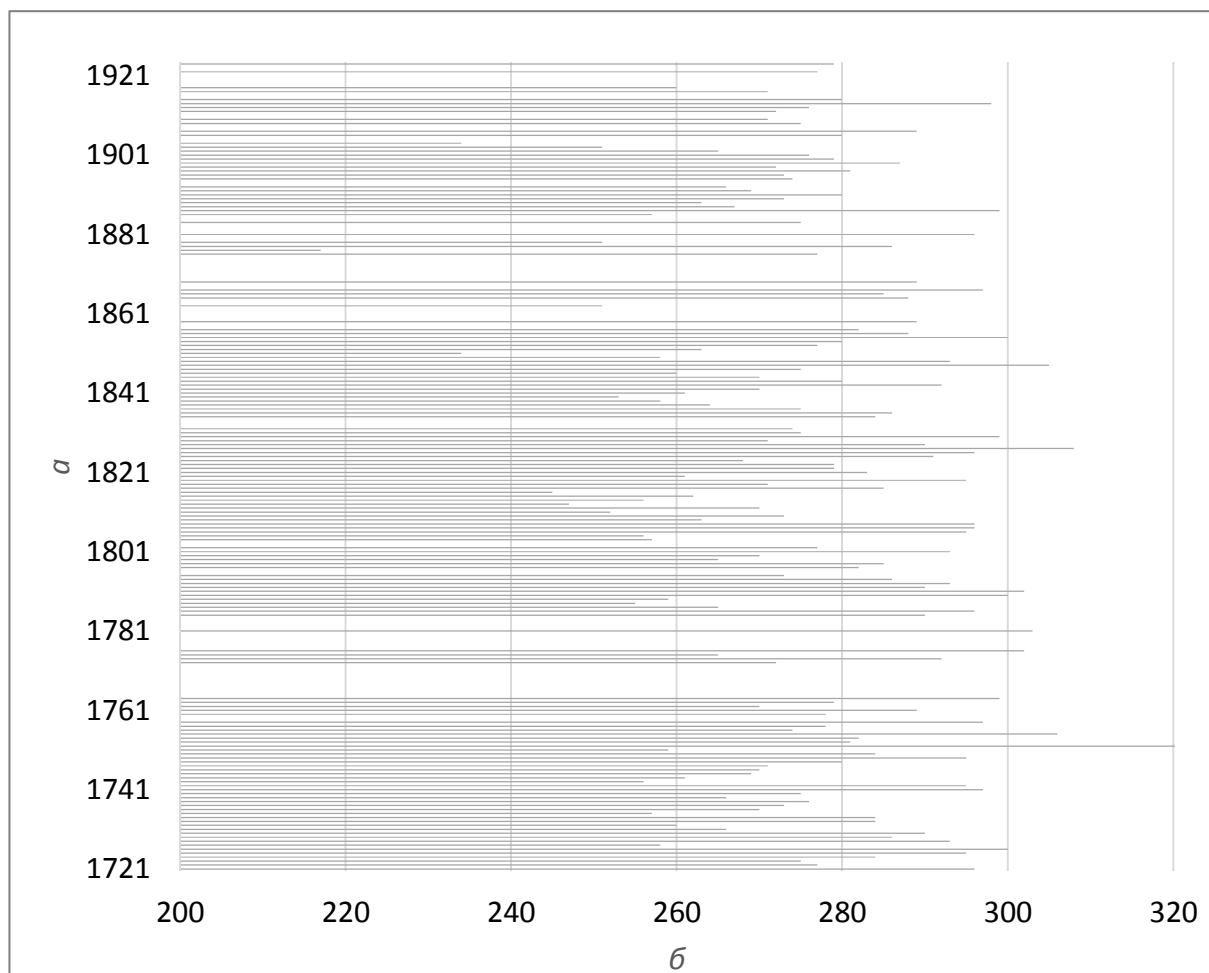

Рис. 1. Продолжительность периода открытой воды в р. Ангара в 1721-1921 гг. по данным Иркутских летописей (Пежемский, Кротов, 1911; Романов, 1914); а – годы; б – период открытой воды в днях

Далее рассмотрим ряд таких лет (в скобках после года указана длительность данного периода в днях). В XVIII в. неурожайными в Илимско-Ленском регионе были 1727 (258) и 1731 (266). В 1727 г. Илимской воеводской канцелярией было собрано 573 четверти ржи вместо 4225 «за скудостью и за недородом правиянта». Заместитель приказчика Криволицкой слободы доносил: «всякой хлеб – рожь, ярица, ячмень и овсы весьма вызябли. И самим на пропитание не будет... а которые хлебы были вузелень – и те хлебы косили на полях косою и кормят скотишко свое» (Шерстобоев, 1957: 252). Год 1736 (270) был отмечен недостатком кормов для скота (Шерстобоев, 1957: 247). Особенно неблагоприятным для крестьян стал 1739-й г. (266): заморозок уничтожил часть урожая. Администрация пыталась закупить хлеб в других регионах, но это удалось лишь частично (Шерстобоев, 1957, 252). Ангара в тот год покрылась льдом до Байкала, что ранее не наблюдалось (Пежемский, Кротов, 1911: 53). Несколько неурожайных лет подряд, а именно 1744 (261) – 1745 (269) гг., вызвали миграцию крестьян и забрасывание полей. Голод, возможно, способствовал возрастанию потерь от эпидемии оспы в 1745-м г. (Шерстобоев, 1957: 307-308). Неурожай отмечены в 1751-м (259), а также и в 1761-м гг., что вылилось в голод среди крестьян в 1762-м году (270) (Шерстобоев, 1957: 263). Серия из 4-х голодных лет последовала в 1769-1772 гг. В конце XVIII в. несколько неурожайных лет следовали в близком интервале: 1788 (255) (Шерстобоев, 1957, 274) – 1789 (259) (Шерстобоев, 1957, 275), 1799 (265) – 1800 (270) (Пежемский, Кротов, 1911: 160).

На середину – конец XVIII в. приходится ряд крупных миграций тунгусских родов в

малоосвоенные и более богатые охотничьими ресурсами таежные районы. Тунгусы были не в состоянии уплачивать дань и поддерживать пропитание за счет обмена с русскими (Туголуков, 1985: 175), которые не только не имели товарной продукции, но и не могли прокормить себя. Повторяемость неурожайных лет в XVIII в. и их тяжелые последствия говорят о суровости данной фазы климатического цикла и малой эффективности адаптации новопоселенцев к условиям Прибайкалья. Самые глубокие нарушения наблюдались именно серии аномальных лет: за два-три года (не говоря о большей длительности) крестьянское хозяйство могло потерять скот, семенной фонд, людей и даже исчезнуть. Все это сказывалось на тунгусах, которые не могли достать хлеба для пропитания у крестьян. Они тоже вынуждены были голодать. Их положение усугубляла негибкая ясачная политика властей и снижение продуктивности охотничьих угодий.

Крестьяне на опыте старались адаптировать сложившиеся для центральной России приемы земледелия в сибирских условиях к краткости безморозного и вегетационного периода, к весенним засухам, ранним и поздним заморозкам, длительно оттаивающей мерзлоте. Удача эксперимента зависела от использования разных условий (Шунков, 1952: 234). Достигался результат по возделыванию определенного набора культур, размещению полей, сроков проведения сельскохозяйственных работ. Процесс адаптации сопровождался расширением традиционного для разных этносов типа хозяйствования. Последовательно формировалась сибирская полиэтничная среда, основанная на хозяйственных, социальных и культурных взаимосвязях, а также на взаимном наложении тунгусского и русского ареалов этнокультурного ландшафта.

Земледельческая аккультурация тунгусов имела различные формы, в том числе, образование «ясачных» поселений. Приняв крещение, некоторые тунгусы перешли к компактному проживанию. Так, в Нижнеилимской управе в 1830 г. существовало три селения ясачных тунгусов-земледельцев (ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 70), к 1969 г их число возросло до пяти (ГАИО. Ф. 461. Оп. 2 Д. 11. Л. 39). Основанные в XVII в. приленская деревня Келора и в XVII – XVIII вв. нижнеилимские деревни Романова, Жилище, Закурдаева, Ясачная (Список населенных..., 1929: 890, 993, 894) к рубежу XIX в. становятся полностью тунгусскими. Русских в них либо нет, либо меньшинство (Патканов, 1906: 109-110). Население этих деревень изначально считалось тунгусами, но говорило по-русски, исповедовало православие и постепенно было переведено администрацией в крестьянское сословие (Рагулина, 2020: 441).

Структура хозяйства русских крестьян также трансформировалась в сторону использования новых видов деятельности. Наряду с земледелием возникла охота на пушного зверя и копытных. Навыки охотничьего промысла русские заимствовали у тунгусов. Также они научились делать лодки, усвоили приемы рыболовства на сибирских реках.

Многие тунгусы, видя в земледелии дополнительный способ прокормить свои семьи, приобщались к полеводству, огородничеству, переходили от кочевой жизни к полуоседлости и оседлости. Аккультурация неизбежно сопровождалась ассимиляцией, с которой связано снижение численности учтенных тунгусов, что некоторыми авторами необоснованно интерпретировалось как «вымирание», а не перемена идентичности (Кларк, 1863, Патканов, 1906). Ускорение аккультурационной динамики придавало социально-экономическую устойчивость этнически смешанным сообществам с комплексным земледельческо-промысловым хозяйством. В его новой модели были уже изменены структура промысла, конфигурация и размер освоенных ареалов и угодий.

Внутривековые колебания климата хорошо прослеживаются в XIX веке. В первые два десятилетия идет похолодание. Дальнейший двадцатилетний цикл (1820–1840 гг.) отмечен потеплением, ростом среднегодовых температур воздуха; к концу века снова наблюдалась череда холодных лет.

Неблагоприятный период с морозами и неурожаями, гибелью посевов сопровождался ростом цен на продовольствие. В 1800-м году (270) на полях в долине р. Лены ко времени сева лежал лед (Шерстобоев, 1957: 274). 1804-й (257) – 1805-й (259) годы отмечены заморозками и наводнениями (Пежемский, Кротов, 1911: 186, 192). Неурожайными была серия лет подряд: 1811–1816 (245-270), а также 1820-й (261) год (Пежемский, Кротов, 1911: 210-217, 224). В 1829 г. случилось крупное наводнение, пострадали не только посевы, но и поселения (Кожухов, 1967: 175).

Оседлое и полуоседлое тунгусское население наряду с охотничьим промыслом занималось подсечным земледелием. На примере локальной группы нижнеилимских полуоседлых эвенков видно, что продуктивность хозяйства была небольшой. Структура посевов учитывала суровые и многоснежные зимы, возможность раннеосенних и поздневесенних заморозков и была ориентирована на выращивание озимых, ржи и ячменя. Урожайность зерновых в нестабильных условиях изменялась в широких пределах (Рисунок 2).

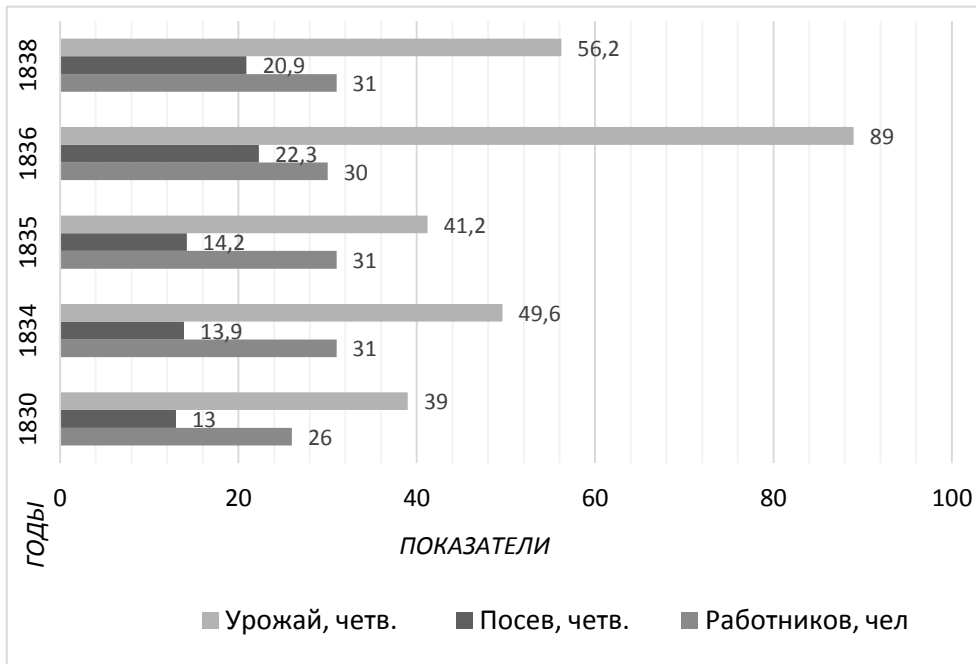

Рис. 2. Урожайность зерновых и число нижнеилимских тунгусов-земледельцев в 1830-х гг. Составлено по материалам: ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 94; ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 2. Л. 143; ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 3. Л. 198; ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 41. Л. 237; ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 5. Л. 87

У нижнеилимских «бродячих» тунгусов в 1838 г. (по сравнению с 1830-м г.) отмечено трех-четырёхкратное увеличение забоя на мясо транспортных оленей, которые обеспечивали перекочевки, и более чем двукратное (в 2 раза) снижение ввоза хлеба в стойбища охотников (1168 пудов против 2600 пудов в 1830 г.), а также двукратное падение добычи белки (в 1830 – 16000, в 1838 – 8200 шкурки) (ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 95; ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 5. Л. 89). В это же время часть разорившихся тунгусов мигрировала за пределы управы, а несколько обедневших хозяйств осело в ясачных деревнях. На данном примере видно различное воздействие кризисных факторов на присваивающее и производящее хозяйство. 1838 г. отличается неплохой урожайностью зерновых, но в то же время неудачен для охотников-оленоводов.

Залогом устойчивости служит разнообразие регионального хозяйственного комплекса и прочность обменных, соседских и административно-управленческих взаимодействий. Г.М. Василевич записала предание: «Все эвенки забирали хлеб на Ангаре. Купцы за один раз давали много муки... Купцы говорили: «Ранней весной белкуют, добывают лосей, оленей! Когда же наступал второй холод (вторая половина зимы), они говорили: Принесли прошлогоднюю весеннюю белку? И опять давали муку в долг, чтобы эвенки на охоте имели пищу» (Василевич, 1966: 298). В целом же, в XIX в. источники продолжают свидетельствовать о гибели посевов, росте цен на продовольствие, хотя на основе приобретенного опыта земледелие восстанавливается быстрее. Крестьяне приспособляются к таежным ландшафтам, продолжительным и суровым зимам, заморозкам и засухам. Однако падение урожая в неблагоприятные годы отражается не только на земледельцах, но и на инородцах из-за снижения товарообмена.

В холодные неурожайные годы тунгусы испытывали трудности в продовольствии. На этом фоне случались эпидемии. К примеру, масштабный размах получила горячка 1824 – 1826 гг. (ГАИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 2. Л. 161). В середине и второй половине XIX в. вспышки эпидемий и связанный с ними рост смертности отмечен в холодные 1851 (234), 1865, 1880 гг. (Патканов, 1906: 164).

С 1829 г. в отчеты инородных управ включается требование оценить продуктивность тунгусского хозяйства (количество добытых животных и рыбы) в благоприятные и неблагоприятные годы. «Бродячие» киренско-хандинские тунгусы, хорошо обеспеченные оленями, промысловыми территориями, где у них было мало конкурентов из числа крестьян-охотников, имели неоднозначные по годам результаты. Группа численностью 607 чел. в «хороший» год добывала 19 000 белок, 50 соболей, 30 медведей, 140 оленей, 30 горностаев и 723 кг рыбы. В «плохой» год добыча составила 14 000 белок, 30 соболей, 10 медведей, 80 оленей, 70 горностаев и около 455 кг рыбы (ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 141). Колебания в добыче автор отчета объясняет эпидемиями, падением численности промысловых животных, изменением цен на пушнину, которые тесно связаны с ценами на хлеб. Полуоседлые тутурские тунгусы (302 чел.), частично проживающие в постоянных домах и кочевывшие только летом, в «хороший» год могли рассчитывать на 69 соболей против 19 в «плохой»

год, 3 694 белки против 1 350, соответственно, 36 и 8 медведей, 40 и 16 волков. Добыча рыбы колебалась по этим годам от 3 640 до 2 000 кг. Помимо промыслов, несколько семей занимались земледелием и в «хороший» год собирали 248 четвертей хлеба, а в «плохой» – 90 (ГАИО. Ф. 387. Оп. ОЦ. Д. 2. Л.16). Таким образом, продукция, полученная в хозяйствах тунгусов, варьировалась в широких пределах под влиянием конкретных климатических факторов, погодных условий и связанных с ними биоресурсных ритмов. Комплексные хозяйства тунгусов, идущие по пути гибридного включения производящих отраслей в присваивающее хозяйство, отличались большим запасом устойчивости.

5. Заключение

Документы, статистика и отчеты инородческих управ, материалы по истории сибирского крестьянства, летописи содержат множество свидетельств, которые подтверждают наличие связи между природными условиями, климатическими внутривековыми колебаниями и жизнеобеспечением тунгусов. Эти отношения имеют как прямой, так и опосредованный характер. Резкая континентальность климата Прибайкалья с дифференцированным распределением тепла и влаги по элементам рельефа создает мозаичность в размещении населения и хозяйственном освоении. Чередование благоприятных (с открытой водой более 270 дней), относительно теплых периодов с неблагоприятными, холодными и относительно холодными, а также частота экстремальных природных событий запускали механизм «качелей» в жизни людей: от сравнительной обеспеченности продуктами питания до вынужденных миграций, массовых голодовок, эпидемий, избыточной смертности. За рассмотренный период большинство зафиксированных кризисных явлений оказались синхронны понижением среднегодовых температур воздуха, маркером которых стала продолжительность безледного режима рек.

Трансформация жизнеобеспечения шла различными путями у русских и тунгусов. У русских крестьян неизбежной стала адаптация выработанных ранее в умеренном климате русской равнины приемов земледелия к резко-континентальному климату Прибайкалья с сильными колебаниями водно-теплового режима. Крестьянское хозяйство переходило от благополучия удачных лет к разорению: теряло работников, скот, разработанные поля, имело недостаток пищи и семян. Государству было сложно организовать снабжение, поскольку запасы «казенных магазинов» пополняли местные производители зерна. С наступлением благоприятного периода восстановление шло постепенно, и земледельцы не сразу могли получить достаточно продукции, чтобы вступить в обмен и торговлю. Наряду с приспособлением растениеводства к местному климату круг хозяйственных занятий крестьян дополнили заимствованные у «инородцев» способы пушной охоты и рыболовства.

Расширение пахотных угодий сталкивалось с интересами охотничьего промысла тунгусов. Переход к пушному промыслу и пространственные ограничения изменили маршруты кочевания и ритмы освоения ареалов, что ухудшило жизнеобеспечение до обнищания и голода у отдельных групп. В создавшейся ситуации часть тунгусов вынужденно мигрировала в неосвоенную и более продуктивную тайгу, а часть перешла к полуседлому и оседлому образу жизни, перенимая земледелие. В итоге внутривековые колебания климата, а также природные особенности, обусловленные географическим положением региона, воздействовали на природный и этнокультурный ландшафт, окружающую среду и деятельность человека.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы АААА-А21-121012190018-2).

Литература

Беркин и др., 1993 – Беркин Н.С., Филиппова С.А. Иркутская область (природные условия административных районов). Иркутск: ИГУ, 1993. 306 с.

Борисенков, Пасецкий, 1988 – Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 528 с.

Ваганов, Шиятов, 1999 – Ваганов Е.А., Шиятов С.Г. Роль дендроклиматических и дендрогидрологических исследований в разработке глобальных и региональных экологических проблем (на примере азиатской части России) // *Сибирский экологический журнал*. 1999. № 6 (2). С. 111-116.

Василевич, 1966 – Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания. М. Л.: Наука, 1966. 400 с.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

Давыдов и др., 2016 – Давыдов В.Н., Симонова В.В., Сем Т.Ю., Брандишаускас Д. Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 196 с.

- Жилина, 2009** – Жилина Т.Н. Западная Сибирь в Малый ледниковый период: природа и русская колонизация (1550 – 1850 гг.). Томск: Оптимум, 2009. 162 с.
- Кларк, 1863** – Кларк П. Очеульские и тутурские тунгусы в Верхоленском округе // *ВСОРГО*. 1863. Кн. VI. С. 87-96.
- Кожухов, 1967** – Кожухов Ю.В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. Л.: ЛГУ, 1967. 384 с.
- Кротт, 2018** – Кротт И.И. Влияние экологического фактора на процесс адаптации, поведенческие стратегии и практики сибирского крестьянства в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2018. № 6 (57). С. 19-29.
- Мыглан, 2010** – Мыглан В.С. Климат и социум Сибири в малый ледниковый период. Красноярск: СФУ, 2010. 230 с.
- Патканов, 1906** – Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири: На основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 1. Вып. 1-2. // *Записки Императорского русского географического общества*. 1906. Т. 31. Вып. 1-2. 206 с.
- Пежемский, Кротов, 2011** – Пежемский П.И., Кротов В.А. Иркутская летопись // *Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества*. (ВСОИРГО). 1911. № 5. 420 с.
- Рагулина, 2020** – Рагулина М.В. Хозяйственная аккультурация нижнеилимских эвенков: земледельцы и охотники-оленеводы (XVIII - начало XX веков). // *Научный диалог*. 2020. № 1. С. 433-450.
- Романов, 2014** – Романов Н.С. Иркутская летопись 1857–1880 гг. (Продолжение Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) // *Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества* (ВСОИРГО). Т. 8. Иркутск, 1914. С. 410.
- Солдатова, 1993** – Солдатова И.И. Вековые изменения сроков вскрытия рек и их связь с изменениями климата // *Метеорология и гидрология*. 1993. № 9. С. 89-96.
- Список населенных..., 1929** – Список населенных мест Сибирского края. Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск: Краевой отдел статистики, 1929. Т.2. 952 с.
- Туголуков, 1985** – Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 283 с.
- Чуркин, 2014** – Чуркин М.К. Природный фактор в аграрной колонизации Сибири пореформенного периода: становление историко-географического дискурса // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2014. № 4. С. 14-22.
- Шерстобоев, 1949** – Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1949. 596 с.
- Шерстобоев, 1957** – Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2. Илимский край во II – IV четвертях XVIII века. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1957. 674 с.
- Шунков, 1952** – Шунков В.И. «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири. XVII в. // *Материалы по истории земледелия СССР*. М. 1952. С. 233-236.
- Шунков, 1956** – Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: АН СССР, 1956. 432 с.
- Crate, 2008** – Crate S. A. Gone the bull of winter? Grappling with the cultural implications of and anthropology's role (s) in global climate change // *Current anthropology*. 2008. Vol. 49. № 4. Pp. 569-595.
- Lavrillier, Gabyshev 2021** – Lavrillier A., Gabyshev S. An Indigenous science of the climate change impacts on landscape topography in Siberia // *Ambio*. Vol. 50. № 11. Pp. 1910-1925.
- Lavrillier, 2013** – Lavrillier A. Climate change among nomadic and settled Tungus of Siberia: continuity and changes in economic and ritual relationships with the natural environment // *Polar record*. 2013. Vol. 49. № 3. Pp. 260-271.
- Pfister, 2010** – Pfister C. The vulnerability of past societies to climatic variation: a new focus for historical climatology in the twenty-first century // *Climatic change*. 2010. Т. 100. № 1. С. 25-31.
- Ragulina, Sirina, 2020** – Ragulina M.V., Sirina A.A. Flour and Bread in the Life Support of the Tunguses of Central and Southern Siberia in the Second Half of XVII – early XX centuries // *Bylye gody*. 58(4): 2336-2345.

References

- Berkin et all, 1993** – Berkin, N.S., Filippova, S.A. (1993). Irkutskaja oblast' (prirodnye uslovija administrativnyh rajonov). [Irkutsk region (natural conditions of administrative districts)]. Irkutsk: IGU. 304 p. [in Russian]
- Borisenkov, Paseckij, 1988** – Borisenkov, E.P., Paseckij, V.M. (1988). Tysyacheletnyaya letopis neobyčajnyh yavlenij prirody [A thousand-year chronicle of extraordinary natural phenomena]. М.: Mysl. 528 p. [in Russian]
- Churkin, 2014** – Churkin, M.K. (2014). Prirodnyj faktor v agrarnoj kolonizacii Sibiri poreformennogo perioda: stanovlenie istoriko-geograficheskogo diskursa [Natural factor in the agrarian colonization of Siberia in the post-reform period: the formation of historical and geographical discourse]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»*. 4: 14-22. [in Russian]

- Crate, 2008** – *Crate, S.A.* (2008). Gone the bull of winter? Grappling with the cultural implications of and anthropology's role (s) in global climate change. *Current anthropology*. 49(4): 569-595.
- Davydov i dr., 2016** – *Davydov, V.N., Simonova, V.V., Sem, T.Yu.* (2016) Ogon', voda, veter i kamen' v jevenkijskih landshaftah. Otnosheniya cheloveka i prirody v Bajkal'skoj Sibiri [Fire, water, wind and stone in Evenki landscapes. Relations between man and nature in Baikal Siberia: a collective monograph]. SPb.: MAE RAS, 196 p. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [The State Archive of Irkutsk region].
- Klark, 1863** – *Klark, P.* (1863). Ocheul'skie i tuturskie tungusy v Verholenskom okruge [Ocheul and Tutura Tunguses in Verkholsk district]. *Zapiski VSORGO*. VI: 87-96. [in Russian]
- Kozhuhov, 1967** – *Kozhuhov, Ju.V.* (1967). Russkie krest'jane Vostochnoj Sibiri v pervoj polovine XIX v. [Russian peasants of Eastern Siberia in the first half of the XIX c.]. *Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gercena*. 356. 283 p. [in Russian]
- Krott, 2018** – *Krott, I.I.* (2018). Vlijanie jekologicheskogo faktora na process adaptacii, povedencheskie strategii i praktiki sibirskogo krest'janstva v konce XIX-nachale XX vv. [The influence of environmental factors on the adaptation process, behavioral strategies and practices of the Siberian peasantry in the late 19th and early 20th centuries]. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6(57): 19-29. [in Russian]
- Lavrillier, 2013** – *Lavrillier, A.* (2013). Climate change among nomadic and settled Tungus of Siberia: continuity and changes in economic and ritual relationships with the natural environment. *Polar record*. 49(3): 260-271.
- Lavrillier, Gabyshev 2021** – *Lavrillier, A., Gabyshev, S.* (2021). An Indigenous science of the climate change impacts on landscape topography in Siberia. *Ambio*. 50(11): 1910-1925.
- Myglan, 2010** – *Myglan, V.S.* (2010). Klimat i socium Sibiri v malyj lednikovyj period [Climate and society of Siberia during the Little Ice Age]. Krasnoyarsk : SFU, 230 p. [in Russian].
- Patkanov, 1906** – *Patkanov, S.K.* (1906). Opyt geografii i statistiki tungusskih plemen Sibiri [The experience of the geography and statistics of the Tungus tribes of Siberia]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva*. 31. 1-2. 206 p. [in Russian]
- Pezhetskij, Krotov, 2011** – *Pezhetskij, P.I., Krotov, V.A.* (1911). Irkutskaya letopis [Irkutsk Chronicle]. *Trudy Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva. (VSOIRGO)*. 5. 420 p. [in Russian]
- Pfister, 2010** – *Pfister, C.* (2010). The vulnerability of past societies to climatic variation: a new focus for historical climatology in the twenty-first century. *Climatic change*. 100(1): 25-31.
- Ragulina, 2020** – *Ragulina, M.V.* (2020) Economic Acculturation of Lower Ilim Evenki: Farmers and Reindeer Breeders (XVIII – Early XX Centuries). *Nauchnyi dialog*. 1: 433-450. [in Russian]
- Ragulina, Sirina, 2020** – *Ragulina, M.V., Sirina, A.A.* (2020). Flour and Bread in the Life Support of the Tunguses of Central and Southern Siberia in the Second Half of XVII – early XX centuries. *Bylye gody*. 58(4): 2336-2345.
- Romanov, 2014** – *Romanov, N.S.* (1914). Irkutskaya letopis 1857–1880 gg. (Prodolzhenie Letopisi P. I. Pezhemskogo i V. A. Krotova) [Irkutsk Chronicle 1857–1880. (Continuation of the Chronicle of P. I. Pezhemsky and V. A. Krotov)]. *Trudy Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva (VSOIRGO)*. Vol. 8. Irkutsk, 410 p. [in Russian]
- Sherstoboev, 1949** – *Sherstoboev, V.N.* (1949). Ilimskaia pashnia. T. 1. Pashnia Ilimskogo voevodstva XVII i nachala XVIII veka [Ilim arable land. Vol. 1. Arable land Ilim province of the XVII and beginning of the XVIII century]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 596 p. [in Russian]
- Sherstoboev, 1957** – *Sherstoboev, V.N.* (1957). Ilimskaia pashnia. T. 2. Ilimskii kraj vo II – IV chetvertiakh XVIII veka [Ilim arable land. Vol. 2. Ilimsk region in the II – IV quarters of the XVIII century]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 674 p. [in Russian]
- Shunkov, 1952** – *Shunkov, V.I.* (1952). «Opyt» v sel'skom hozjajstve Sibiri. XVII v. ["Experience" in agriculture in Siberia. XVII c.]. *Materialy po istorii zemledelija SSSR*. M.: AN SSSR. Pp. 233-236. [in Russian]
- Shunkov, 1956** – *Shunkov, V.I.* (1956). Ocherki po istorii zemledelija Sibiri (XVII vek) [Essays on the history of agriculture of Siberia (XVII century)]. M.: AN SSSR. 432 p. [in Russian]
- Soldatova, 1993** – *Soldatova, I.I.* (1993). Vekovye izmeneniya srokov vskrytija rek i ih svjaz' s izmenenijami klimata [Centuries-old changes in the timing of river openings and their relationship to climate change]. *Meteorology and hydrology*. 9: 89-96. [in Russian]
- Spisok naseleennyh..., 1929** – Spisok naseleennyh mest Sibirskogo kraja. Okruga Severo-Vostochnoj Sibiri (1929) [List of populated places in the Siberian Territory. Districts of North-Eastern Siberia]. Novosibirsk: Kraevoj otdel statistiki. Vol.2. 952 p. [in Russian]
- Tugolukov, 1985** – *Tugolukov, V.A.* (1985). Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri [Tunguses (Evenks and Evens) of Central and Western Siberia]. M.: Nauka. 283 p. [in Russian]
- Vaganov, Shiyatov, 1999** – *Vaganov, E.A., Shiyatov, S.G.* (1999). Rol dendroklimaticheskikh i dendrohidrologicheskikh issledovanij v razrabotke globalnyh i regionalnyh ekologicheskikh problem (na primere aziatskoj chasti Rossii) [The role of dendroclimatic and dendrohydrological research in the

development of global and regional environmental problems (on the example of the Asian part of Russia)]. *Sibirskij ekologičeskij žurnal*. 6(2): 111–116. [in Russian]

Vasilevich, 1966 – Vasilevich, G.M. (1966). Istoricheskii fol'klor evenkov: Skazaniia i predaniia [Historical folklore of the Evenks: legends and traditions]. M.: L.: Nauka. 400 p. [in Russian]

Zhilina, 2009 – Zhilina, T.N. (2009). Zapadnaya Sibir v Mal'j lednikov'j period: priroda i russkaya kolonizaciya (1550-1850 gg.) [Western Siberia in the Little Ice Age: nature and Russian colonization (1550-1850)]. Tomsk : Optimum, 162 p. [in Russian]

Природные условия и жизнеобеспечение тунгусов Прибайкалья (XVII – конец XIX вв.)

Милана Владимировна Рагулина ^{a, *}

^a Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние природно-климатических условий на жизнедеятельность тунгусов в XVII-XIX веках. Нестабильный характер биологических ресурсов, обусловленный спецификой климата, затронул как коренные этносы тайги, так и русских поселенцев. В статье сопоставляются сведения о голоде, неурожаях в регионе и ледовом режиме реки Ангары. Выявлено совпадение между внутривековыми понижениями температуры воздуха и большинством экономических кризисов. Результаты указывают на повторяющиеся периоды понижения среднегодовых температур, которые сопровождалась экстремальными природными явлениями.

Взаимодействие тунгусов с крестьянами, купцами и властями происходило на этом меняющемся природно-климатическом фоне. Климатические колебания прямо и косвенно привели к формированию различных путей адаптации тунгусов: от укрепления обменных связей и перехода к гибридным полуседлым формам хозяйства до миграции в более продуктивные районы, удаленные от русских деревень. Природные факторы в сочетании с социальными и экономическими предпосылками привели к возникновению сложного комплекса адаптационных процессов. Сети взаимопомощи, торговли и культурного обмена были сформированы в ответ на природные и социальные риски, укрепив позиции тунгусов. Данные фольклора, летописей, статистики и архивных документов подтверждают влияние внутривековой изменчивости климата на тунгусов. Годы голода, неурожая, эпидемии и связанные с ними изменения в экономике затронули все группы населения. Последствия этого воздействия были специфическими в культурном и экологическом плане. Разнообразие и динамика соседних культур и географических условий способствовали уникальности хозяйства тунгусов, разным темпам их аккультурации, а также формированию этнокультурного ландшафта.

Ключевые слова: Прибайкалье, тунгусы, сибирское крестьянство, жизнеобеспечение, природные условия, климатическая изменчивость, неурожай, аккультурация, земледелие, этнокультурный ландшафт.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: milanara@yandex.ru (М.В. Рагулина)